

A watercolor illustration of a person with a red cheek, wearing a blue tunic and a white headscarf, sitting in a wooden boat on a river. The person is holding a long wooden paddle. The background shows a river with ripples, a forest of bare trees on the left, and a large, dark, rounded hill or mountain on the right under a pale sky.

Мариана ДИГОР
Вадим ГОРУЛЕНКО

Харитон
из рода Акунка

Маріана ДИГОР
Вадим ГОРУЛЕНКО

Харитон
из рода Акунка

Книжка, которую вы держите в руках, – это маленький кусочек из прошлой жизни. Это наш первый совместный писательский опыт. Здесь мы записали «правдивые» истории из жизни большой семьи маленького самобытного народа орочи. А посвятить этот сборник сказаний мы хотим дедушке Марианы Дигор – Харитону Алексеевичу Акунка.

Родился Харитон в 1908 году в стойбище Кун, по национальности ороч. Непревзойдённый рыбак и охотник, как и все орочи, он с первых дней Великой Отечественной войны рвался на фронт, но призван был только в марте 1942 года Комсомольским райвоенкоматом. Служил в разведотделе штаба 2-го Дальневосточного фронта. Участник войны с Японией, награждён орденом Славы III степени, медалью «За победу над Японией». Во время войны, будучи курьером между штабами, делал марш-броски, доставлял депеши от Комсомольска-на-Амуре в Хабаровск, Владивосток, Советскую Гавань, Николаевск-на-Амуре. Демобилизован в ноябре 1945 года. Как все фронтовики, а тем более как разведчик, он очень мало и скупко рассказывал о том, чем занимался в армии.

Писатель Ермиш Владимирович Самар в одном своём рассказе писал про деда, что он один из немногих сородичей был человеком грамотным, «учёным», знал несколько языков – орочский, нанайский, русский, китайский и японский.

Харитон был тихим и скромным человеком, но совсем другим он становился, когда рядом появлялась детвора. Сразу начинались шум и веселье, игры и представления, а по вечерам, когда он рассказывал сказки и предания, в доме наступала тишина...

Род Акунка

Всё стойбище празднует приезд своего сородича, старшего сына Алексея Акунка — Харитона. У него очень важная должность — посыльный (почтальон), а стал он им потому, что знал много языков: японский, китайский, нанайский, маньчжурский, удэгейский, нивхский и русский. Даже понимал английский язык, но не говорил на нём. Его знали и ждали в дальних местах и везде встречали с почётом.

С приездом Харитона в стойбище все оживились, ходили радостные и довольные, потому что вечером всех ждал щедрый стол. Каждая семья в стойбище готовит блюдо и несёт своё угощение. Такие дни были редкими, оттого имели настроение праздничности.

Больше всех Харитона ждали племянники, дети сестры — Гоко и Нуку. Они очень любили, когда дядя приезжал, привозил подарки, а самое главное — для них рассказывал истории о новых местах, где бывал, о людях, с которыми встречался. А когда заканчивались истории, рассказывал новые легенды и мифы, которые слышал от сторожилов других селений.

От дяди они узнали, как род Акунка поселился в этих местах. Он рассказывал им эту историю не один раз, и они её знали дословно.

Легенда звучит так: «Наш род произошёл от священной скалы Сидаки, которая находится в месте впадения реки Акур в Тумнин. Эта скала считается нашим тотемом, а название рода нам дала река Акур».

Дядя рассказывал также, что есть и правдивая история нашего рода: «По преданию, основали его два брата. У одного было пять жён, у другого — семь. Оттого и был род таким многочисленным. Они пришли из северных земель и пригнали большое стадо оленей. Они сами себя называли орочи (оро — олень, чи — иметь). Поселились на берегу Японского моря. Оленям было там хорошо, но местные тигры повадились и пока не истребили всё стадо, не оставили их в покое. Братья были единственными на берегу, кто умел плести сети и ловить аку (корюшку). Так их и называли: орочи рода Аку. Род Аку считался самым сильным среди орочей. Его ещё называли княжеским, так как он жил всегда в достатке.

Началась большая война на берегах моря: кто с кем воевал, уже и не помнят сами старики. Остатки племён, которые не желали вступать в войну, объединялись и уходили в тайгу, подальше от бесконечных военных действий. Оставшиеся роды орочей объединились и ушли на реку Тумнин, там они расселились кланами по всей длине реки. Клан Акунка и Намунка ушли на горную реку Хунгари (сейчас — река Гур).

Акунка, наш род, облюбывал это место. Нашим предкам понравился высокий берег: если река выйдет из берегов, их не затопит, а ещё и не очень крутой спуск к реке. Рядом возвышались две одинаковые сопки, напоминающие женские груди, так и называли это место Кун (грудь).

Намунка ушли дальше, им понравилось ровное место на берегу Хунгари, так его и называли — Хунгари.

Наш род Акунка тогда состоял из стариков, родителей деда, моего деда Тимофея с тремя жёнами (две удэгейки и одна нанайка). Они родили семь сыновей и пять дочерей. Самым младшим был мой отец Алексей. Он всегда был беспокойным ребёнком, ему было всё интересно, и если где-нибудь происходили какие-то события, он был уже там».

Отец Харитона, дедушка Гоко и Нуку, вырос и женился на удэгейке Дусе из рода Канчуга. У них родилась первая дочь — мама Гоко и Нуку, и семь сыновей. Старшим был любимый дядя Харитон.

Первая охота

Семилетний ороц Харитон еле дождался утра. Всю ночь он просыпался, боясь, что ама (отец) без него уйдёт на охоту проверять ловушки, которые они установили пару дней назад. Это были первые установленные им петли и ловушки. Ама ещё не оторвал голову от подушки, а Харитон уже стоял, готовый для выхода в тайгу.

Бежал маленький охотник, так сильно торопился, что споткнулся о корягу и кубарем покатился, и не куда-нибудь, а прямо в берлогу к косолапому.

В берлоге была полутьма, но было тепло и сухо. Через несколько секунд мальчик увидел: на подстилке из сухих листьев и травы, прижавшись друг к другу, лежат два медвежонка. Они испугались нежданного гостя. Маленький охотник сам был ни жив, ни мёртв от страха. Медвежата, осмелев, подошли и обнюхали его: он пах дымом. Мальчик вспомнил, что у него в кармане есть сушеная рыба, вытащил её и угостил хозяев берлоги.

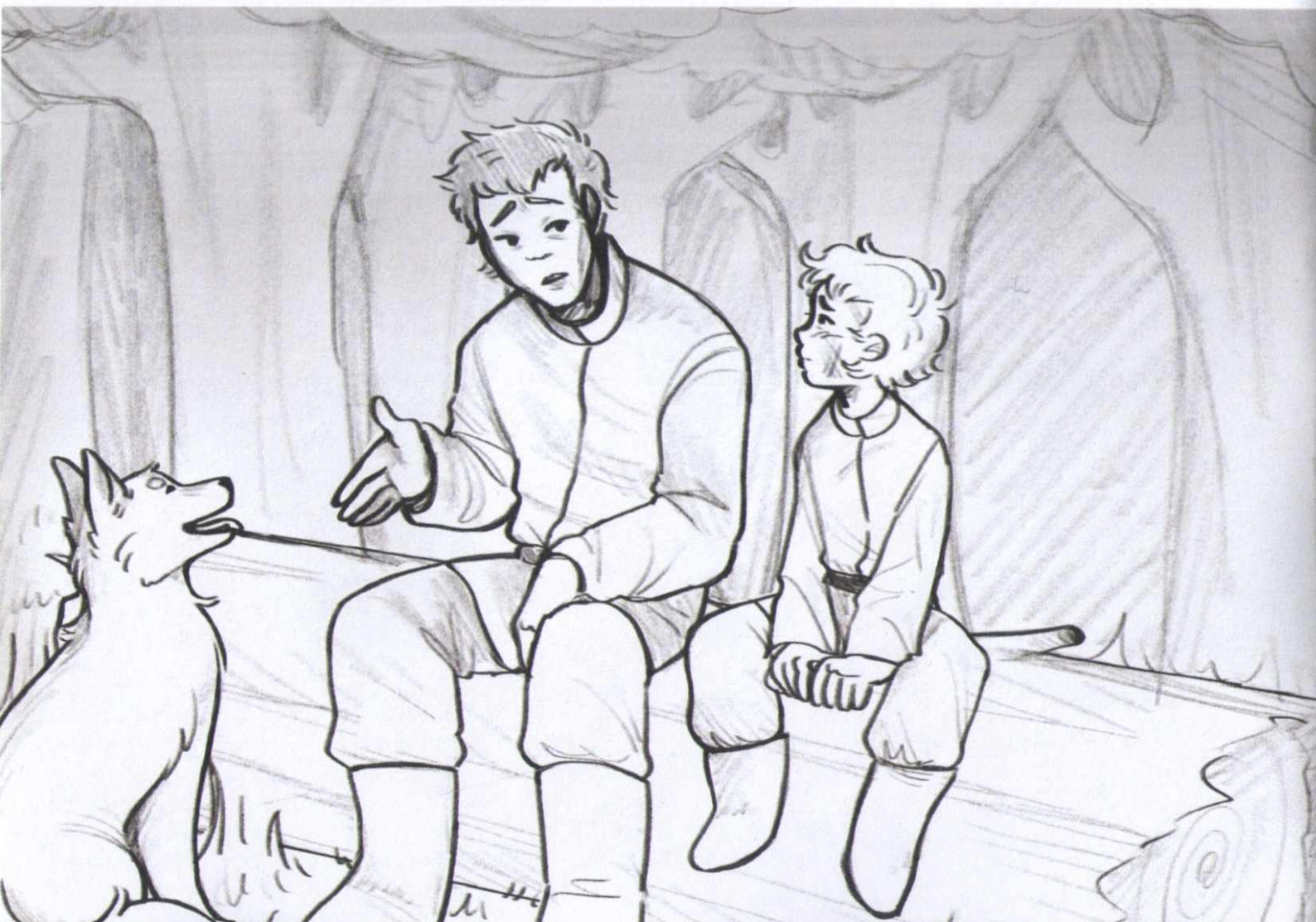
Тут внезапно послышался хруст сухих веток и шелест опавших листьев. Все трое замерли в ожидании мамы медвежат, которая ушла ещё вчера и до сих пор не вернулась. Харитон закрыл глаза и мысленно стал прощаться с жизнью, и вдруг его лизнули по щеке. Он открыл глаза и увидел свою собаку Инду. Медвежата зарычали и вжались в угол берлоги. Инда подскочила к ним и тоже стала их лизать.

Через несколько минут в проёме берлоги мальчик увидел своего отца, который тихо его позвал. Выполз

Харитон, обнял отца и только хотел начать свой рассказ, но отец остановил его, приложив указательный палец к его губам. К берлоге подходила медведица, неся в пасти большую рыбину. Отец с сыном медленно и тихо стали пятиться назад. Орочам повезло — с радостным урчанием к маме бросились медвежата. Умная Инда, тихо рыча, прижалась к ноге отца. Медведица, не обращая внимания на людей, скрылась с медвежатами в берлоге.

Орочи с облегчённым вздохом опустились на корягу. Из кустов можжевельника с испуганными криками вылетела стайка куропаток. Харитон проворно метнулся в их сторону и уже в каждой руке держал по куропатке. Отец с сыном пошли проверять ловушки, которые они

установили ранее. К их удивлению, все были полными. В этот день у них была удачная охота.

Не зря предки орочей говорили, что встретить медведя в лесу — это к большой удаче, это лесной дух Дуэнтэ в его облике приветствует. Медведи у орочей пользовались особым почётом. Даже дети знали, что охотиться на него было большим табу. Бывало так, что зверя, который напал на человека, убивали, но это считалось у орочей, что он не умирает, а «приходит» к людям в гости. В честь него устраивали медвежьи праздники с целым комплексом обрядов, которые помогали убитому медведю возродиться. После этого животное якобы отправлялось обратно в тайгу и рассказывало Дуэнтэ, лесному духу, как хорошо его встретили люди.

Повелитель сетей

Жил в одном ороческом стойбище мальчик, кушал он за троих и был очень толстым и неуклюжим. Приклеилось к нему прозвище Гоко (крючкастый) — за что бы он ни брался, то ломает, то испортит, где ни пройдет — всё заденет, уронит. Он бы и рад всем помогать, но со-родичи, увидев его, старались обходить стороной, никто его к себе домой не приглашал, боясь, что он всё пере-ломает.

Единственное, что ему родители могли доверить, это сидеть на берегу и следить за сетями, а «Повелителем адули» (сетей) он стал не из-за того, что за ними наблю-дает, а потому, что...

На маленькой лодке плывёт большой толстый ороч. Маленькие волны разбегаются в разные стороны, под-гоняемые легким ветерком. Гоко напевает песню об окружающей природной красоте, слова сами вылетают из его уст и разносятся по раннему озеру.

Гоко решил доказать своему отцу, что может само-стоятельно проверять сети. Плывёт, счастливый, и меч-тает, как он поднимает сети, полные разной рыбы, при-возит в стойбище, и как его все хвалят и восхищаются им. С такими мыслями наконец-то он доплыл до став-нушек и принялся вытаскивать сети. Гоко наклонился за сетью, а маленькая лодка от его веса накренилась, и толстый ороч плюхнулся в воду.

Плавать он не умел, и от страха, что утонет, стал ма-хать руками, шлёпать ими по воде и во всё горло звать

на помощь. Так он минут десять плюхался, пока не понял, что ногами стоит на дне озера. И пока он махал руками, все сети спутал так, что чтобы их распутать, понадобится целый день... К тому же сети оказались пустыми.

На его крики приплыли другие рыбаки и, увидев своего мокрого сородича, опутанного сетями, стали над ним смеяться. И с тех пор его так и стали звать: «Повелитель адули».

СВИТОК

Как-то тёплым летним утром собрался Гоко, «Повелитель адули», в гости к своему дяде в новых штанах из рыбьей кожи, которые эне (мама) шила два дня. Дядя на лето перебрался в просторный хомаран, который он построил за лесом.

Собирала братика маленькая сестрёнка, положила ему подарочки в большую торбу, да пока собирала брата, сама и уснула в ней крепким сном...

Гоко зашёл в фанзу, смотрит — торба стоит, а сестры нет. Поднял торбу и удивился, что она тяжёлая. «Видать, много подарков положила сестра», — подумал Гоко и с торбой вышел из фанзы.

Вышел он радостный и запел песенку, чтобы идти было веселее. А сестрёнка спит в торбе и во сне видит сон: Гоко поёт, а на плече его насвистывает припев маленькая птичка-невеличка, подпевая брату. Нуку (младшая сестра) так заслушалась пением брата и птички, что не услышала, как приближается гроза, которую она очень боялась. Когда она сильно боялась, становилась похожа на сморщенную копчёную рыбку.

Гоко ускорил шаг, заслышав грозу. Чем быстрее он старался идти, тем быстрее гроза с громким грохотом догоняла его. Первые капли упали на землю. Они были такими большими и тяжёлыми, что от земли поднялась небольшая пыль.

Гоко нырнул под дерево, решив спрятаться от дождя и заодно перекусить. «По-любому, сестра поло-

жила вкусняшки в короб для дяди. Я немного съем, он даже и не заметит», — с такими мыслями снял короб с плеч, поставил на траву. Осмотрелся и увидел небольшое углубление под вывороченным деревом. Вот там он и решил переждать дождь и перекусить. Мальчик заполз в углубление, оно оказалось намного просторнее, чем казалось снаружи. Было сухо, и дождь туда не попадал. Уселся поудобнее, открыл короб, засунул руку и как подпрыгнет: кто-то в торбе чуть не откусил ему полпальца.

Гоко выскочил из своего укрытия и, не обращая внимания на сильный ливень, с диким криком так быстро побежал, что пробежал мимо хомарана дяди. Торба так и осталась стоять в укрытии.

Нуку проснулась в тот момент, когда Гоко прятался от грозы. Ей показалось, что её унёс злой амбашка и хочет съесть, и когда она увидела тянущуюся к ней руку, что есть силы укусила. Услышав вопль амбашки, Нуку воспряла духом, что амбашка её испугался, выскочила из торбы и ударилась о верх укрытия. Решив, что это амбашка её ударил, она громко завизжала, стала махать руками во все стороны и попала своим кулачком в земляную стену. Тут ей в руку что-то упало.

«Палка, — подумала Нуку, — но какая-то мягкая она». Не стала её рассматривать, а размахивала ею и «отбивалась» от злого амбашки. В этот момент громыхнул гром и сверкнула молния. Увидев свою искаженную тень, решив, что это и есть злой амбашка, Нуку схватила торбу и рванула из укрытия. Торба до земли не доставала сантиметров туна (пять), и казалось, что торба сама бежит.

В этот момент дядя, услышав крики, вышел из хомарана. Мимо с выпученными глазами и с криком «Больше никогда не возьму чужую еду...» пробежал сын стры.

Гром и молния так грохотали и сверкали, шпарил такой сильнейший дождь, что совсем не хотелось выходить из жилища. Но невдалеке он слышал ещё один крик и решился пойти посмотреть, что так напугало Гоко, и кто там ещё кричит. Недалеко отойдя от своего хомарана, он увидел, как вокруг дерева с жутким криком бежали лисы. Хватая лапами их за хвост, бежали серые зайцы... Дядя решил, что это гроза так на них действует, и пошёл на крик. Пройдя ещё немного, он увидел, как от него убегает торба. Он аж глаза протёр, подумал, что ему опять показалось: то лисы, а за их хвосты зайцы держатся, а теперь торба сама бежит. Хорошо, что он всегда носил с собой охотничьи силки, быстро выхватил их и бросил точно в цель.

Торба упала вперёд и заболтала своими маленькими ножками, ещё громче стала голосить. Из торбы показалось выпачканное, слегка напоминающее человечка, создание, которое держало в руках непонятный предмет, похожий на палку. И вдруг это чумазое создание как закричит: «Гочо (дядя)!!! Меня злой амбашка хочет съесть!!!» Дядя в недоумении, откуда это создание его знает, ещё и дядей называет.

Громыхнул снова гром и сверкнула молния, дождь усилился и частично смыл грязь с создания. Тут дядя узнал в нём свою любимую племянницу, которая от испуга одним прыжком вместе с торбой запрыгнула к нему

на руки. Дядя что есть силы побежал в свой хомаран. Там уже сидел Гоко, мокрый, с испуганным, искажённым лицом. Когда он увидел сестру на руках дяди, удивился, откуда она взялась, и пристально уставился на сестру, точнее не на неё, а на предмет, который был у неё в руке.

Гоко взял предмет, вытер его, и это оказалась старинная, скрученная рукопись. Он развернул свиток, и все присутствующие увидели картинки, рассказывающие о потерянной империи Цзинь.

Золотой пояс

Гоко и его сестра так увлеклись рассматриванием рисунков, что уже забыли про злоключения, произошедшие с ними по дороге к дяде. Они впервые увидели изображения, копирующие жизнь людей. Детям нравилось рассматривать их лица: они то смеются, то грустные, то воинственные, то задумчивые. Животные были изображены так реалистично, что казалось, сейчас тигр зарычит, медведь рявкнет, лось, как огромная долблёнка, переплывает реку, собака громко загавкает. Они даже не заметили, как дядя уходил на речку проверять сети. Дядя приготовил еду и позвал племянников. Те с неохотой оторвались от свитка, но кушать пошли.

— Здесь изображена жизнь правителя очень древнего государства — Золотой империи. Кто-то говорит, что это выдуманное государство, а дед мне рассказывал, а ему его дед рассказывал, что оно было, и жили там люди хорошо и в достатке, — сказал дядя.

Гоко очень любил ходить к дяде и слушать его рассказы о странных людях, животных, о шаманах, о духах злых и добрых. В один голос брат с сестрой закричали:

— Дядя, расскажи, расскажи!

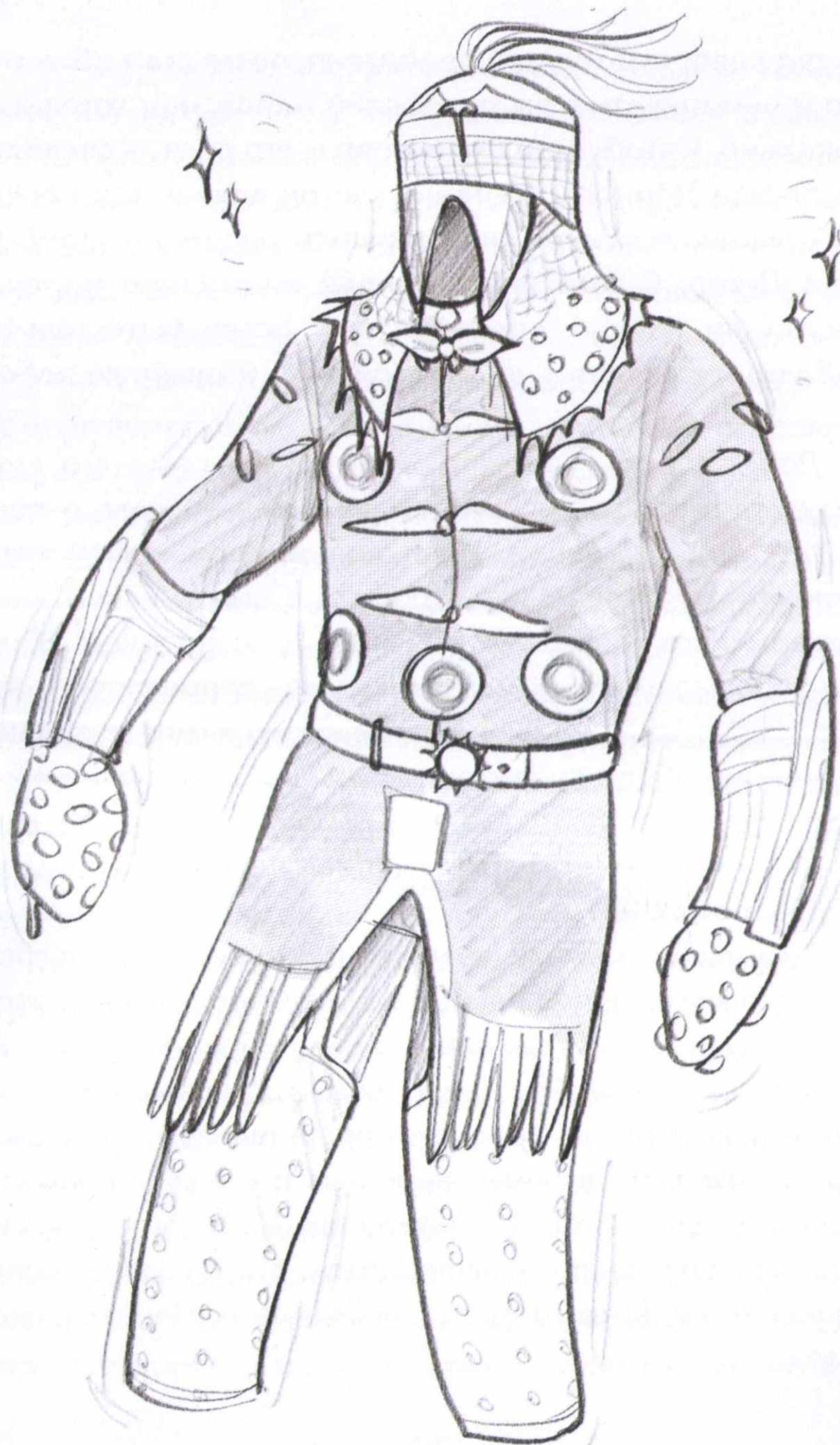
Долго им упрашивать его не пришлось. Он сам с большим желанием хотел рассказать легенду о Золотой империи Цзинь. Дядя взял свиток в руки, раскрыл его и стал рассказывать:

— Величественная тайга и могучая река Чёрный Дракон (Амур) много тысяч лет хранят тайны народов,

проживающих на их территории. И эту историю сохранили до наших дней.

Более восьмисот лет назад это было. Вождь Ваньянь Агуда объединил небольшие роды, проживающие на берегах Чёрного Дракона (Амура), чтобы защитить свои территории и противостоять киданям, которые не давали жить спокойно своими набегами. Они отбирали животных, опустошали амбары, а бывало, и угоняли мужчин и мальчиков-подростков. Надоело Агуде это терпеть, вот и созвал племена объединиться. На его призыв собралось много племён. Они очень отважно сражались за свои земли и одержали победу. Победив и захватив крепости Киданьской империи на их территории (Маньчжурии), родилось новое государство Цзинь — Золотая империя чжурчжэней. Агуда стал правителем нового государства. Он со своей армией и своими победоносными походами стал наводить ужас на своих соседей, которые в своё время посягали на их земли.

У первого правителя был шаман, который подарил своему господину доспехи, обладающие силой непобедимости. Эти доспехи всегда были при императоре. Их охраняли как зеницу ока. В этих доспехах ни один бой не был проигран Агудой, ни одна стрела не могла попасть в него. Благодаря таким успешным походам его территории всё увеличивались и увеличивались. Так он добрался до Китайской империи. Тогда она была небольшой, это сейчас она большая, с лёгкой руки русского императора, который не только отдал земли Китаю, но и объявил его независимым государством. Когда

Агуда сверг китайского правителя, он не стал убивать его и уничтожать весь китайский народ, как хотел изначально. Китайского правителя и его семью сослали на берега Чёрного Дракона, где он зажил как обычный рыбак тех мест, поселившись рядом со стойбищем Дигор. С того времени для китайского народа наступили тёмные времена: они могли быть только рабами и выполнять самую грязную и тяжёлую работу.

Дети забрали свиток у Харитона и сами его стали рассматривать, искать подтверждение тому, о чём сейчас они слышали. Дядя достал свой нож и стал вырезать из дерева кунэ (посуда в виде чашек), она пользовалась большим спросом у сородичей. Они с удовольствием обменивали его деревянную посуду, красиво украшенную вырезанными узорами, на какие-нибудь другие предметы быта или продукты. Дядя, не переставая вырезать узор на чаше, посмотрел на детей, которые уже удобно улеглись на топчане и продолжил свой рассказ:

— Много пленных было и с других земель. И был среди них один молодой парень из рода Борджигин, и звали его Тэмуджин. Обычно воины на рабов не обращали внимания и спокойно тренировались, используя свои секретные приемы. Тэмуджин очень внимательно следил за чжурчжэньскими воинами и стал перенимать многие секреты военного искусства. Когда он случайно услышал про доспехи императора, в его голове зародилась идея похитить их и самому стать Покорителем мира.

У чжурчжэней наступил великий праздник «Благодарение духам», и у Тэмуджина появилась возможность попасть в комнату, где хранились доспехи. Когда он их увидел, то понял, что не сможет их унести, так как они были прикованы к стене. Разочаровавшись, он хотел было уйти, но взгляд его упал на Золотой пояс, лежавший поодаль от доспехов. Не раздумывая, он схватил его и убежал. Незаметно выбрался из города, долго бродил по тайге, не зная, куда ему двигаться, и, проклиная всё на свете, он вышел на берег Амура. Измождённый, голодный, он набрёл на худую мазанку-землянку. Она так жалко выглядела, но из неё шёл дымок, и парень направился к ней в надежде найти приют. В мазанке жил последний китайский правитель со своей семьёй. Плохо они жили, впроголодь. Охотиться не умели, рыбачили тоже неудачно, а от растительности они часто травились, так как не знали, какие растения ядовитые, а какие полезные. Местные жители старались держаться от них подальше, так как китайцев в то время не очень жаловали.

Парня они не выгнали, оставили его, чтоб отдохнул, думая, что он, может быть, чем-то им поможет. Он действительно помог: сделал из тальниковых прутьев пару ловушек для рыб, несколько капканов для небольших зверьков. И у семьи появилась еда каждый день, а не так, как раньше — раз в неделю, а то и раз в две недели. Парень почти полфазы луны прожил в китайской семье. Однажды китайский правитель увидел Золотой пояс и решил им завладеть, мечтая вернуть себе своё государство. Напоив парня сонной травой, ночью,

пока тот крепко спал, поменял пояса. Утром ничего не подозревавший молодой человек ушёл. Тэмуджин, добираясь до своих земель, решил, что не будет нападать на чжурчжэней. Ему не хотелось опять идти через непроходимую тайгу и реки, которые вроде и узкие, но очень бурные и глубокие. Когда он добрался до своих земель, в первую очередь пришёл к своему отцу Есугею и стал рассказывать про свою жизнь у чжурчжэней: как с ним обращались, чему он там научился и как украл Золотой пояс. Распахнув рубашку, обнаружил, что пояс, который на нём, не тот, который он похитил. Он понял, что его обокрал последний китайский правитель. Разгневавшись, он решил начать свое покорение мира именно с народа Чжурчжэни, вернуть себе пояс и отобрать доспехи, которые он уже считал своими.

После ухода Тэмуджина к китайскому правителю пришли воины, шедшие по следу беглеца. Жена правителя успела закопать Золотой пояс под молодым деревом, чтобы его не нашли стражники. Стражники арестовали жену и самого китайского правителя и угнали в столицу чжурчжэней за то, что помогали беглому арестанту. Детей китайского правителя не тронули. Когда Тэмуджин вернулся к мазанке на берегу Амура и узнал от детей, что родителей уже нет и он не сможет вернуть Золотой пояс, он так разозлился, что убил всё оставшееся семейство китайского правителя. Потом он напал на империю Цзинь, но не смог её покорить, тем более ему не дали войти в главный город Золотой империи. Тогда он хитростью попал в город и стал там вносить смуту. Одного восхвалял, другого осуждал или

занижал, тем самым задев гордость многих важных особ Золотой империи. И началась у них внутренняя война между собой: кто лучше, кто главнее и кто нужнее. Таким хитрым способом Чингисхан разрушил самую могущественную империю, освободив китайский и маньчжурские народы от рабства. Китайский народ не желает признавать, что именно Чингисхан уничтожил наследников китайской династии, так как его считали своим освободителем. О судьбе императорских доспехов говорили, что Чингисхан разрубил их публично, а кто-то говорил, что разрушил обычные, а настоящие сам носил и не снимал. Золотой пояс до сих пор хранится в том месте, где его спрятала жена китайского императора. Об этом месте знают только тайга и великая река Чёрный Дракон.

Священное место

Где-то далеко, в двух днях пути на лыжах и трех-четырёх днях пути пешим ходом от стойбища Кун, на очень высокой горе находилась огромная каменная статуя. Время и ветер с дождём не пощадили её, но она всё еще напоминала бывшее величие старых богов, сотворивших её. Старики говорили, что тот, кто сможет переночевать у её подножия две ночи, станет сильным и непобедимым мэгеном... И парни, достигшие четырнадцати-пятнадцати лет, тайно готовились к этому священному обряду. Но немногие отваживались пойти к каменной статуе, так как оттуда мало кто возвращался. Много тайн скрыто в этом месте, куда исчезли те, кто отважился, — никто не знает.

* * *

— Когда мне было примерно лет четырнадцать, — начал свой рассказ дядя своим племянникам Гоко и Нуку, — мы с отцом пошли на охоту на дальний кордон проверить наш охотничий дом, да и мы на этом уголке не были года два. Бяэди (ноябрь) только начинался, снега ещё не было, но по утрам был лёгкий морозец. Тропа, петляя между поваленных деревьев, шла вдоль ручья, то приближаясь к нему, то уходя в овраги и ущелья. Дорога в наше уголке вела мимо священного места. Ручей как будто разделял лес на две части: с одной стороны — территория людей, с другой стороны — территория духов, куда люди старались не вступать. Отец

перешёл ручей, и я последовал за ним. Он решил мне показать священное древо, и от волнения, что я иду по священной земле, у меня по коже мурашки выступали и немного била дрожь. Шли мы молча.

* * *

Мы с отцом ожидали появления большой поляны с огромным деревом в её центре. Эта поляна была первым необычным явлением на пути к волшебной скале — она появлялась всегда внезапно: кому-то сразу, а кто-то может весь день проходить и не выйти на неё. Неизменным было одно — огромное высокое дерево, крона которого терялась где-то высоко в облаках, и было ощущение, что оно держит небо. Я засмотрелся на него, подошёл, пощупал — оно было тёплым, несмотря на то что было прохладно. Обнял и стоял так, мне показалось, минуты три, слушая его, но не понимал, о чём оно говорит. Когда опомнился, увидел, что отца уже нет. Испугавшись в первую минуту, успокоился, взял себя в руки, как учил отец. Подошёл к дереву, обнял его и мысленно спросил: «Куда мне идти?» Ничего не происходило. Тишина. Пронзительная тишина. Оттолкнув от себя прозрачную тишину дерева, окунулся в обычную лесную сутолоку звуков.

И вдруг услышал далёкое «э-э-э-э ...». Решил, что это отец меня зовёт, рванул на зов. Зацепившись за корягу, засеменял мимо большого, покрытого мхом пня, услышав вслед вздох — медведь... Стал медленно крутиться, чтобы найти зверя, а из оружия у меня был только нож, который сам сделал из лиственницы, и лук со стрелами.

Никого не было, только пень, шумно зарывав, рассыпался в мелкую труху, а между ногами шустро прошмыгнул неизвестный мне зверёк. Я побежал за зверьком, он, как яркий лучик солнца, мелькал между засохшей травой. Я так сильно боялся потерять его из виду, что бежал, не разбирая дороги, и вылетел на залитую солнцем поляну, в центре которой у огромного дерева сидел отец, спокойно чистящий свой нож. Оказывается, я сделал круг и прибежал на ту же поляну, где отстал от отца.

Зверёк запрыгнул на ноги отцу, и тот его погладил. От удовольствия зверёк то ли мяукнул, то ли проурчал и нырнул за пазуху отцу. И только тогда я увидел, что он точит мой нож из лиственницы. Схватился за ножны — ножа там не было.

— Сегодня у тебя посвящение, — как ни в чём не бывало проговорил отец и протянул мне нож.

Он был уже не деревянным, а стальным. Хотел спросить про зверька, но тут увидел, что над деревьями возвышается гора, а на ней ещё величественнее стоит огромная каменная статуя.

— Дальше ты пойдёшь один, — проговорил отец и протянул руку, в которой держал маленького зверька с горящими глазами. Зверёк юркнул ко мне за пазуху. И в этот момент отец стал прозрачным, а потом превратился в лёгкую дымку, которая растворилась в воздухе.

* * *

В моей душе появился и так же быстро исчез страх. Я пошёл к горе, пройдя шагов десять, оказался у её под-

ножия. Посмотрел наверх: «Подъём не такой крутой», — решил я и стал подниматься вверх.

Шёл долго, перед глазами мелькали корни деревьев, цветы и камни, и в голове роились мысли о том, что было в пути и о том, что может произойти...

День быстро угасал. Я стал поневоле глазами искать, где сделать привал, и увидел небольшое углубление. Подошёл ближе — это оказался вход в пещеру, там и решил остановиться и переночевать. Подошёл к входу, наклонился и, не поднимая головы, попросил ночлега у этого места. В ответ я услышал лёгкий гул ветра, гулявшего внутри пещеры, и я решил, что можно заходить. У стены я с удивлением увидел небольшие углубления, напоминающие кресла, какие я видел только на картинках. На выступ, похожий на сиденье, поставил угощения: юколу, кусочек сахара, водичку и табак. Всем, что было у меня с собой, я поделился с этим местом.

Пещера оказалась намного больше, чем я думал. в дальнем углу лежала куча хвороста и больших веток. Я обрадовался, развёл посредине пещеры костёр. Когда помещение осветилось, я увидел на стенах рисунки, сделанные природной краской охрой. Одни рисунки рассказывали про охоту на неведомого зверя, похожего на тигра: у него очень большие клыки и нет полосок на шкуре. Я мысленно называл его — большезуб. Другие рисунки показывали торжество над убитым огромным лохматым животным с длинным носом. Зверь очень большой, люди рядом с ним как букашки, таких животных я видел впервые. А следующие рисунки рассказывали о нашей небесной птице Кори. Рисун-

ки показывали, что птица похищает людей, от её крика люди становились не в себе. На следующих картинках изображены жители одного селения, которые вышли посмотреть на Кори и все погибли. А дальше рисунки рассказывали о том, чего я совсем не знал. Оказывается, птица Кори живёт на железном дереве за пределами небесной сферы. Под её тяжестью сгибаются лиственницы, а от взмахов её крыльев поднимается шторм.

* * *

Я так увлёкся рисунками, что забыл про осторожность, но тихие шаги услышал. Сжав в руке нож, я вжался в углубление в дальнем углу пещеры в ожидании неприятного сюрприза.

Как будто со стены появился большезуб, он не сводил с меня своих злых жёлтых глаз. У меня в голове сразу всплыли картинки, которые только что разглядывал, и там люди отбивались от такого зверя палками с огнём. Я стал медленно продвигаться к костру. Зверь выпустил когти, и при каждом соприкосновении их о каменный пол вылетали искры.

Я быстро достал из кармана верёвку, которую мне отец сунул в руки перед тем, как исчезнуть, и, привязав к ней камень, стал раскручивать её над головой, а сам продвигался к костру. Зверь одним прыжком отрезал меня от огня, как будто понял мою задумку.

Продолжая крутить над головой пращу, достал и крепко сжал в руке нож — он стал искриться и издавать громкое гудение. Сердце так бешено билось. Ещё чуть-чуть, и меня охватит паника. Зверь сверлил меня

своими жёлтыми глазами. Я собрал всю свою волю в кулак и приготовился отражать атаку.

Неожиданно с нарастающим гулом от раскрученной пращи началась вибрация. Отражаясь от стен, в воздухе задребезжало. Зверь прыгнул на меня, но праща успела обмотать его шею. Большезуб в воздухе сделал сальто, я увернулся и оказался возле костра, выхватил горящую ветку и ринулся на зверя. Столько во мне злости появилось, что был готов сразиться с целой стаей таких тигров без полос. И тут что-то больно кольнуло меня сзади под правую лопатку, я успел лишь вздохнуть и провалился в небытие.

Когда открыл глаза, пещера была наполнена дневным светом, солнечные лучи пытались дотянуться до меня. Хотел подняться, но боль в спине не дала мне этого сделать. Я начал вспоминать, что со мной произошло, но так и не смог вспомнить, кто или что меня кольнуло в спину. Глазами осмотрел пещеру, зверь лежал в нескольких шагах от меня, праща его удушила. Я подошёл к зверю и, не знаю почему, вырвал у него его огромный клык и стал разматывать своё спутанное оружие. Как только освободил животное, оно тут же превратилось в дымку и растворилось. Клык остался у меня в руке. Мой первый трофей.

* * *

Громкий свист, прозвучавший за спиной, заставил меня присесть и резко развернуться. На приступке, выпучив большие глаза, на толстых лапах стояла птица с огромным острым клювом — Кори. Эта пещера — дом

этой птицы. Я отошёл от входа, прижался спиной к каменной стене и опустил голову, но глаз с неё не сводил и увидел, что она в своих лапах держит яйцо. Я понял, что произошло что-то очень важное. Поклонившись птице, начал потихоньку двигаться к выходу. Кори взяла в клюв яйцо, прошла мимо меня к тому месту, где был ворох сучьев и сухих палок. Я ни живой ни мёртвый стоял у входа и не знал, что делать: бежать сломя голову или остаться и испытать судьбу? И тут у меня у сердца потеплело, и из-за пазухи показалась маленькая головка чудесного то ли зверька, то ли человечка. Я и забыл про него. Он так смотрел на меня своими блестящими глазками-бусинками и как будто просил, чтобы я остался. Я повернулся и посмотрел на Кори: она уже уселась в гнездо, и в этот момент изрыгала тушки косули, кабарги и кабана. Значит, она летала на охоту и яйцо брала с собой. Теперь, пока будет высиживать его, она не будет испытывать голод.

* * *

В этот момент кто-то маленький выскользнул у меня из рук и, оглядываясь на меня, словно приглашая следовать за ним, то ли побежал, то ли полетел в противоположную сторону от гнезда птицы. Я несмело последовал за ним. Боковым зрением увидел, что птица не обращает на меня внимания. Меня очень удивило поведение Кори. Сделав несколько шагов в темноту, я больно ударился головой о внезапно ставший низким потолок. Присев на корточки, продолжил свой путь. Чем дальше, тем ниже становился проход. Дальше мне при-

шлось ползти. Зверёк далеко не убегал, но и дотянуться до него тоже не мог.

Вдруг яркий свет ослепил меня, я зажмурился и провалился в пустоту. Сколько времени прошло, я не мог понять... Полностью потерял счёт времени. Раздался оглушительный грохот, и я погрузился в ледяную воду, едва успев сделать глубокий вдох. Меня понесло бурным потоком, я пытался хвататься за каменную стену, но пальцы не слушались и постоянно соскальзывали. Через некоторое время перестал бороться с течением и водоворотами, только успевал заглатывать воздух, когда меня выкидывало наверх, а следующий водоворот закручивал опять на дно. Сжимая в руке клык и резко оттолкнувшись от дна ногами, я пробкой вылетел на берег и оказался на берегу ручья, который разделяет лес на территорию духов, а я стоял на территории людей.

* * *

Маленький зверёк стоял на противоположном берегу и пронзительно смотрел мне за спину. Если бы не он, я б решил, что мне это всё приснилось или причудилось. Я обернулся и увидел себя, смотрящего мне за спину. Глаза у меня были пустыми, как два бездонных омута. Повернулся к зверьку, чтобы его позвать, и от увиденного мне стало страшно: возвышаясь над деревьями, с горы спускалась статуя, до которой я так и не добрался. Зверёк, оказавшийся у меня на плече, звонко зашвистел, и сзади в меня ударила тёплая волна. В груди что-то взорвалось, и я стал расти, каждую секунду вырастая на несколько метров. Деревья для меня стали

кустарниками. Оглянувшись, я увидел, какая прекрасная и бескрайняя наша тайга. Вдалеке справа несколько столбов дыма — это наше стойбище, а слева, ещё дальше — одинокий столб дыма: это отец дошёл до дальнего кордона и ждёт меня. У меня что-то защемило в левом боку. В этот момент мне в ухо с тревогой зашебетал и засвистел зверёк. Как ни странно, но я понял его, быстро повернулся и увидел, как священная статуя приближается ко мне.

* * *

Я опустился на колени, зверёк шмыгнул мне за пазуху. Каменный исполин приближается ко мне, он ступает по земле, но ни одной травинки под ним не согнулось, ни один листочек с веточки не упал. Поравнявшись со мной, он жестом показал, чтоб я встал с колен, и взглянул мне в глаза. В его глазах была такая пустота — я как будто провалился в пропасть, которая затягивала меня всё глубже и глубже. Его голос звучал у меня в голове. Он говорил и понятные, и непонятные для меня вещи: «Очень скоро придут на эти земли люди. Много людей. И они принесут с собой новую жизнь. Ты, как хранитель рода Акунка, должен сохранить и передать все каноны, традиции своего народа потомкам. У тебя будет девять сыновей и одна дочь. Им ты передашь все свои знания, а они передадут своим детям. И так из поколения в поколение. И тогда твой Род будет жить долго и всегда в достатке».

Каменный исполин положил руку мне на плечо, и я увидел нашу землю, как будто смотрел на неё

с какой-нибудь звезды. Я увидел, как на земле появилась чёрная точка, и она стала расти, в неё падали люди, много людей. Мне стало страшно от увиденного, но потом один человек устоял возле этой пропасти, он удержал другого человека, тот — ещё одного, и вокруг пропасти выстроилась цепь людей, и чернота стала уменьшаться, пока совсем не исчезла. Люди держались ещё какое-то время, под их ногами всё зазеленело, земля обновилась, они стояли, держали друг друга за руки и улыбались друг другу. И тут столб света упал в самый центр, люди зажмурились и отпустили руки, чтоб прикрыть глаза от света. Единая цепь разомкнулась, и все побежали в разные стороны от этого невыносимо яркого света.

* * *

Я открыл глаза и увидел голубую речушку, бегущую у моих ног, огромную статую исполина, возвышающуюся за деревьями, и маленького зверька, сидящего на камне и жующего какой-то корешок.

Я стоял так ещё минут дя (десять), не понимая, где я нахожусь: в реальности или в мире духов. Повернулся и никого не увидел за собой, обернулся и посмотрел на зверька — он медленно растаял в воздухе. Это было последнее моё видение. Собрав силы, медленно двинулся в путь.

Чем ближе приближался к нашему охотничьему зимовью, тем больше вопросов у меня появлялось. Самый главный вопрос мучил меня: «Я должен рассказывать всё, что со мной произошло, или лучше промолчать?

А то решат, что меня захватили Амбашки, и начнут их изгонять. Не люблю эти обряды с шаманами, особенно когда начинают громко кричать. Меня это всегда пугало, и казалось, что из темноты выйдет страшный амбашка и утащит меня».

* * *

Как я дошёл, не понял. Просто почувствовал дым и через некоторое время вывалился через кусты прямо на полянку к горящему костру. На ногах я уже держаться не мог. Мы встретились глазами с отцом. Я опустил глаза, боясь, что он в них прочтёт мой страх и неправильно его растолкует. Прошёл в зимовьё, лёг на топчан и сразу провалился в сон.

— Дядя, а ты зверька этого больше не видел? — спросила Нуку, подбежала и обняла его. Гоко сидел и смотрел на дядю с таким удивлением, как будто его первый раз видит.

— Наш зверёк почти каждую ночь шуршит за сундуком, а ночью в виде снов рассказывает тебе сказки, — дядя усмехнулся и закрыл глаза.

Сагды самани

Есть места, где испокон веков жили орочи, и одно из таких мест называется Кундю, что в переводе с орочского означает «чаша».

Место действительно выглядит с высоты птичьего полёта как чаша: небольшое, ровное место со всех сторон обступили огромные сопки. На сопках орочи собирали черемшу (содои), лимонник (учимпу), дикий виноград (холомкута), жимолость (утумиктэ), голубику (диктэ), бруснику (гоббоку). На сопках росли разные полезные травки и лечебные корешки. Орочи брали столько, чтобы хватило пережить долгую зиму.

Мимо стойбища бежала быстрая извилистая река Туюн, облизывая своими языками скалу, напоминающую большую голову медведя. Река всегда радовала жителей стойбища своими дарами, но пришло время, когда их ставнушки и снасти уже месяц оставались пустыми. Люди делали ритуальное кормление речных духов — чэутчи, чтоб задобрить их, но амбашки (злые духи) не пускали рыбу в их сети.

Надо было принимать решение: менять место размещения стойбища и отправлять охотников на дальний кордон или обращаться к большому, сильному и суровому шаману — Сагды самани...

Решили пойти к Сагды самани, который жил за порогами реки на маленьком островке в окружении вековых кедров. Небольшое жилище, составленное из камней и костей невиданных животных, напоминало

распустившийся цветок лилии.

Самые смелые мэнены (бестрашные юноши) вызвались плыть. Сородичи для шамана принесли табак, лоскутки ткани, цветные камушки, даже было несколько речных жемчужин, жир ядачи (барсука), самые лучшие шкурки хого (белок) и носо (соболя), чтобы он задобрил амбашек, и они вернули рыбу в реку.

Когда мэнены подплывали к шаманскому островку, огромной силы удар сотряс воду у кормы лодки — из воды вылетел громадный таймень (хоё). На его спине сидел человек в расписном халате и держал в руках кувара (шаманский посох). Юноши остолбенели, держа в руках весла, и их едва не унесло потоком на скалу. В самый последний момент опомнился самый младший из мэенов — Нэцу (самый младший), поставил весло против течения и смог притормозить угда (лодку). Бэнэ (старшие братья) опомнились и все вместе стали отгребать от скалы.

Вода (ули) успокоилась, и исчез хоё с наездником. Братья переглянулись, и тут они услышали красивую песню. Они посмотрели в ту сторону, откуда доносилась песня, и увидели: на большом камне сидит красивая хатала (девушка) с красной кожей и огненными волосами. Глаза её были темнее самой тёмной ночи, а над головой кружились разноцветные мотыльки. Братья как замороженные смотрели на неё, их уже ничего не интересовало, они даже забыли, для чего приплыли к этим мистическим местам. Пришли в себя они от оглушительного свиста, который внезапно зазвенел со всех сторон и так же внезапно затих.

Нэцу стал быстро грести к берегу острова. Хатала от злости завизжала так, что у мэгенов чуть не лопнули перепонки в ушах. Внезапно наступила полная темнота. В одну секунду хатала превратилась в тощую костлявую рыбину с человеческой головой и исчезла в тёмной воде. В этот же момент река перестала течь, замерла, как будто никогда и не бежала по каменистому дну. Братья потеряли ориентир, они не могли понять, куда им плыть. Пока они думали, лодку как будто кто-то начал тянуть, она медленно поплыла. Воля оставила юношей, они были как во сне. И только младший брат, сжимая в руке оберег, который дала перед отъездом ему мать, оставался спокойным и хладнокровным.

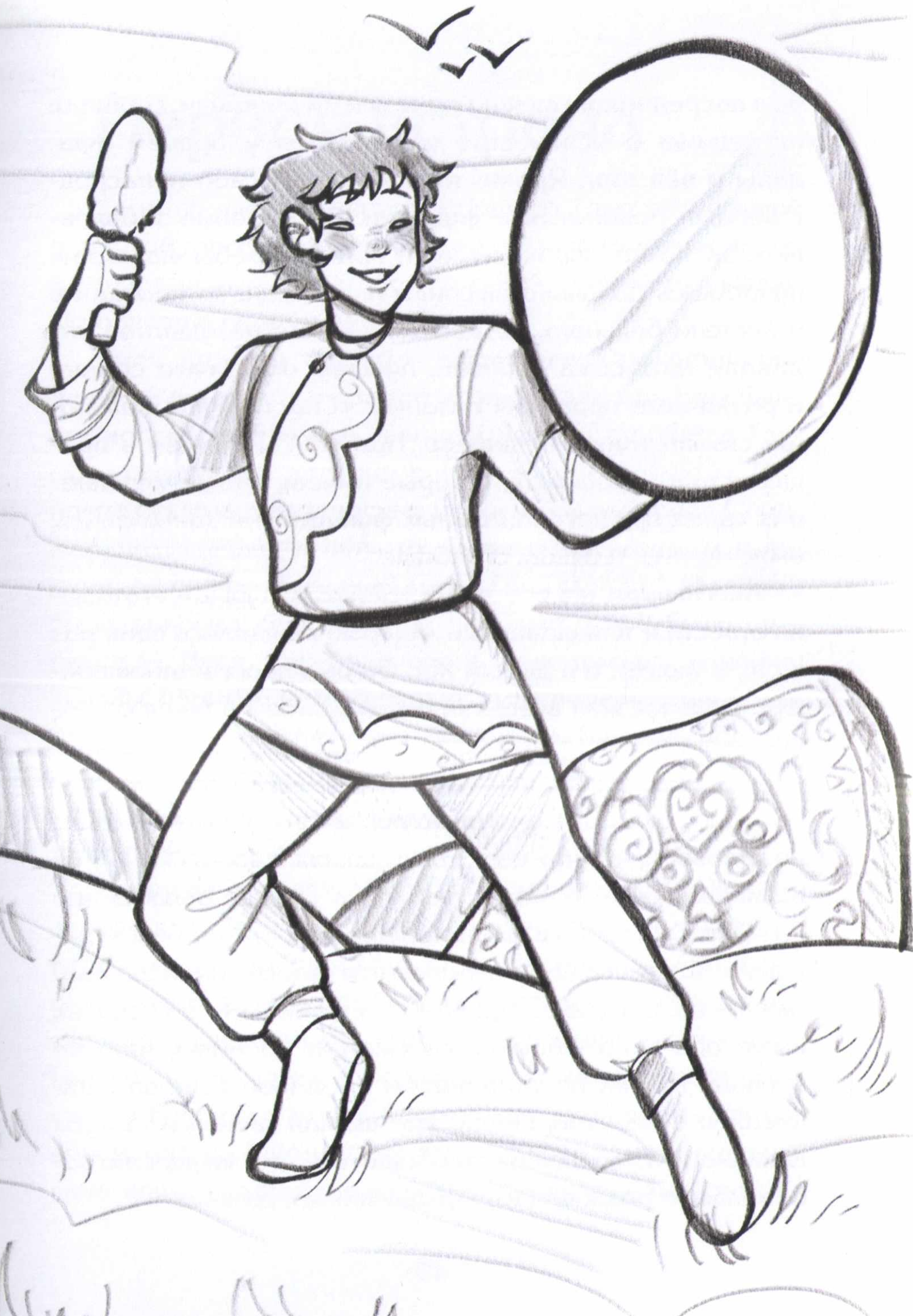
Лодка тихонько стукнулась обо что-то твёрдое. Нэцу веслом ощупал вокруг и понял, что они на суше. Вышел из лодки и увидел вдалеке слабый огонёк. Лодку крепко привязал к торчащей из земли коряге и, сжимая в руке подарок матери, двинулся вперёд. Старших братьев уложил на дно лодки и прикрыл старой сеткой, так как они остоленели и были ни живы ни мёртвы.

Чем ближе подходил к огоньку, тем дальше он уходил, и ему пришла мысль: а если к огню спиной? Он так и сделал. Стал пятиться спиной и в один миг оказался возле большого костра. Возле огня сидел мужчина, тот самый, который был верхом на таймене. Он рассказал Нэцу, что уже несколько дней сражается с амбашкой, который пришёл в эти места и начал всё уничтожать. «У тебя есть то, что необходимо мне для победы над злом. Отдай мне свой оберег, который у тебя под сердцем, и я выполню два твоих желания», — сказал шаман.

Нэцу не хотелось расставаться с материнским оберегом. Шаман протянул руку, и Нэцу увидел, что под рукавом рука шамана чёрная. Он понял, что это не настоящий шаман. И он решил перехитрить колдуна. Достал из-за пазухи рыбью косточку. Шаман схватил её, быстро сунул в рот и хотел проглотить. Кость встала поперёк горла, колдун схватился за своё горло. За одно мгновение он превращался в разные предметы, людей, животных, птиц, насекомых и наконец приобрёл свой облик. Амбашки — самые могущественные злые духи, они невидимы простым людям, их может видеть только сильный шаман или человек с чистым сердцем и добрыми мыслями. Нэцу увидел тёмное облако, которое корчилось, то расширялось, то сжималось. Амбашка визжал, потом перешёл на тонкий писк и в итоге затих. Тёмное облако начало растворяться в воздухе, чем оно становилось прозрачнее, тем светлее становилось вокруг.

На земле у ног паренька лежал, сверкая на солнце, посох, а там, где только что был колдун, прямо в воздухе, покачиваясь, висел шаманский бубен. Нэцу чуть не упал, когда бубен неожиданно прыгнул к нему прямо на грудь, по телу побежало тепло. Когда в руках у него оказался посох, земля и небо сошлись и разошлись дважды, гром и молнии разметали всё, что было вокруг. На земле орочей родился новый Великий шаман — Сагды самани.

До установления Советской власти шаман занимал главенствующее положение в орочском родовом обществе. Он вместе со старейшиной управлял орочами,

был посредником между приезжими купцами, сообщал последним о количестве имеющейся у орочей пушныны и вёл торг. Кроме того, исполнял свои непосредственные религиозные функции. За лечение заболевших, за похороны, поминки и прочие требы шаманам полагалась довольно высокая плата. Так, за камлание у постели больного, независимо от его результатов, отдавали пять-семь соболей, лучшую охотничью собаку и различные продукты питания. «Спасти душу больного» стоило также недёшево. Наличие у орочей в прошлом таких шаманов, которые ничем, кроме исполнения своих профессиональных функций, не занимались, было почти в каждом стойбище.

Был шаман, его все звали «Белый дедушка», его можно отнести к тем шаманам, которые рождались один раз в сто, а может, и в двести лет. Он был прост в отношениях с людьми, жил всегда отшельником и не имел своего конкретного места жительства. Всегда держался с достоинством, был справедлив, бескорыстен и доброжелателен ко всем. Сам охотился и рыбачил, за свое лечение ничего не требовал, кто что даст, тем и довольствовался. Другие шаманы его не то что не любили, а больше боялись, что он может обвинить в шарлатанстве, потому что Белый дедушка (Сагды самани переводится как Великий шаман) имел власть Тудина. Тудин — это шаман, но на ступень выше обычного шамана, он смотрит за ними, чтоб не вредили людям, не халтурили и так далее. Если он сталкивался с шарлатанством, этот шаман лишался статуса шамана и изгонялся из стойбища, всё его имущество забиралось и раздавалось нуждающимся семьям.

Первая встреча

Харитон широко зевнул, погладил Гоко по большой лопухой голове, поцеловал маленькую птичку в лобик и отправил детей спать на большой, тёплый от пылающего жаром очага накат.

Дядя закурил трубку и засмотрелся на огонь, пылающий в очаге, и в памяти всплыло детство. Ему было лет восемь или девять, когда к ним из стойбища Гвасюги приезжали дальние родственники удэгейцы. Они привезли много интересных новостей и подарков с приморских земель, а цель их была — сосвататься к его старшей сестре (будущей маме Гока и Нуку). И с ними была девочка семи-восьми лет, имя у неё было красивое — Дуся. Харитону очень понравилась девочка: волосы чёрные, косы толстые, туго перемотанные синей лентой, сама смугленькая, глазки-бусинки чёрные, ресницы длинные, брови тёмные и широкие, носик аккуратный, маленький, переносицы почти нет, губки пухлые и ярко-розовые.

Дядя так увлёкся её рассматриванием, что все это заметили, и родители тут же договорились их поженить через семь лет. Дуся сильно покраснела и смутилась, она совсем не думала о замужестве, она желала посмотреть новые земли, узнать, как люди живут в разных местах, а здесь, в первом же стойбище, встретила своего будущего мужа. Харитон ей тоже очень понравился, она ещё не видела таких симпатичных мальчишек: кожа светлая, волосы тёмно-коричневые, разрез

глаз удивил её — как волна, брови как два крыла орла, нос, губы — всё соответствовало мужским чертам. Телосложение уже больше походило на юношеское, а не на худощавого мальчишку. Дядя, чтобы не показаться негостеприимным, предложил Дусе показать стойбище. Пока они шли до стойбища, ворковали как два голубка. Дуся рассказывала, как они там живут и что она видела, пока добирались до них. Харитон рассказывал, как ходит с братьями и отцом охотиться и как сам уже рыбачит. Так увлеклись своими рассказами, что не заметили, как пришли к речке. Дуся так толком и не увидела стойбище и ни с кем не успела познакомиться.

На речке уже её родители собирались плыть дальше, оставив сына-жениха, чтобы с невестой получше познакомился и поработал на семью невесты, так как калым был совсем скудный, и через несколько месяцев у них должна будет состояться свадьба.

До XX столетия подавляющее большинство браков заключалось внутри народа. Позволялись союзы внутри родов, например, брак дяди и племянницы. Несмотря на отсутствие запрета многоженства в общих нормах права, орочи предпочитали иметь одну жену. Свадьбы проходили торжественно от двух до пяти дней с приглашением многочисленных гостей как со стороны жениха, так и невесты. Шаман тоже приглашался, но только в качестве гостя. Главное свадебное действо происходило на территории невесты. Жених платил калым, а невеста брала с собой в дом жениха приданое, которое она готовила сама себе, как только научилась

держат костяную иглу в руках. Сохранились сведения об обряде одевания невесты: она сама себе шила нательное белье, все халаты, которые сшила, надевает на себя и сверху свадебный халат с вышитым родовым деревом (такой халат может передаваться и по наследству, но чаще невесты себе сами его шили). Жених, подплывая к берегу стойбища, должен был сделать выстрел в небо, оповестить всех, что он приехал. Жениха, его родственников и друзей, приехавших с ним, выходят встречать жители стойбища и провожают до дё (дома) невесты. Там его встречают родители невесты. Он отдаёт калым и, если родители довольны, зовут дочь. Ещё один свадебный обязательный обряд — «топтанье котлов». Перед выходом из отцовского дома невеста должна была пройти по котлам, в одном из которых лежал калым, в другом — приданое. Она забирала котёл с приданым и уезжала с женихом в его родовой дом.

Существовали такие виды заключения браков:

1. Люлечный, детский сговор.
2. Сватовство с уплатой калыма и приданого. Если нет калыма, жених на несколько лет идёт в рабство в семью невесты.
3. Умыкание (воровство невесты) — влекло кровную месть.
4. Взаимный обмен сёстрами между родами.

Мангбо — Чёрный дракон

Бабушка, удэгейка, очень много времени проводила с детьми. Она и рассказывала про нашего бога Эндური — властелина, который управляет силами природы и живёт где-то за пределами неба. Восходы и заходы солнца — это его дело рук. Так же он управляет дождём, снегом, градом, ветрами, грозами, землетрясениями, наводнениями. И есть у него помощники: дусэ — мифический тигр, дуэнтэ — мифический медведь, посредники между Эндური и людьми. Они помогают людям в промысле.

Ещё ане (бабушка) рассказывала, что наш материк — огромная лосиха, стоящая на восьми ногах. Когда лосиха от усталости переминается с ноги на ногу, происходят землетрясения. Спинной хребет лося — это цепь гор, разделяющая землю на две равные части. Древесная растительность — шерсть лося, а трава и кустарники — его пух, звери — его паразиты, а птицы — выющиеся вокруг него насекомые. Все явления природы, связанные с сушей, подвластны воле лосихи.

В те времена, когда Эндური заселял лосиху людьми, первыми появились девушка Пудин и парень Мангбо. Они очень любили друг друга и жили душа в душу. Эндური сделал из глины ещё пятерых людей, вдохнул в них жизнь и поселил на спину лосихи. Эти люди не могли найти общий язык между собой, потому что Эндური забыл им дать сердце. Зато у них появилась общая

цель — это Пудин и Мангбо. Им было очень завидно, что они так любят друг друга, и они пытались их рассорить. Женщины под видом «добрых» тётушек наговаривали Пудин про Мангбо, какой он страшный человек. А мужчины под «благородным» видом наговаривали Мангбо про Пудин: что она плохая, злая, не умеет шить, готовить, что она ленивая, что он с ней пропадёт. Пудин и Мангбо сначала не хотели слушать и всё время перечили, но, как говорится, камень воду точит. Закрались у Мангбо дурные мысли о Пудин, и он сам стал замечать, что она не такая уж и красавица, да и одежду плохо шьёт. Но на самом деле, за что бы Пудин ни взялась, всё получалось красиво, аккуратно, вкусно и добротно. Это «добрые» тётушки её вещи прятали, а свои корявые за её выдавали.

Надоело Мангбо это терпеть. Пошёл он к помощнику Дуэнтэ и пожаловался ему на свою непутёвую возлюбленную: «Дуэнтэ, передай Эндурри, что он мне сделал плохую жену: то еда у неё горелая, то одежда косая, то дырки — олочи сшила, пошёл, а они развалились сразу». Много чего он наговорил про свою жену, и пока он жаловался, в этот момент «добрые» тёти и дяди кормили его жену отравленной едой.

Пудин не поддавалась их вредным советам избавиться от Мангбо, а наоборот, стала любить его ещё больше. Тогда они и задумали её убить, чтобы не было на земле любви — у них её нет и ни у кого не будет.

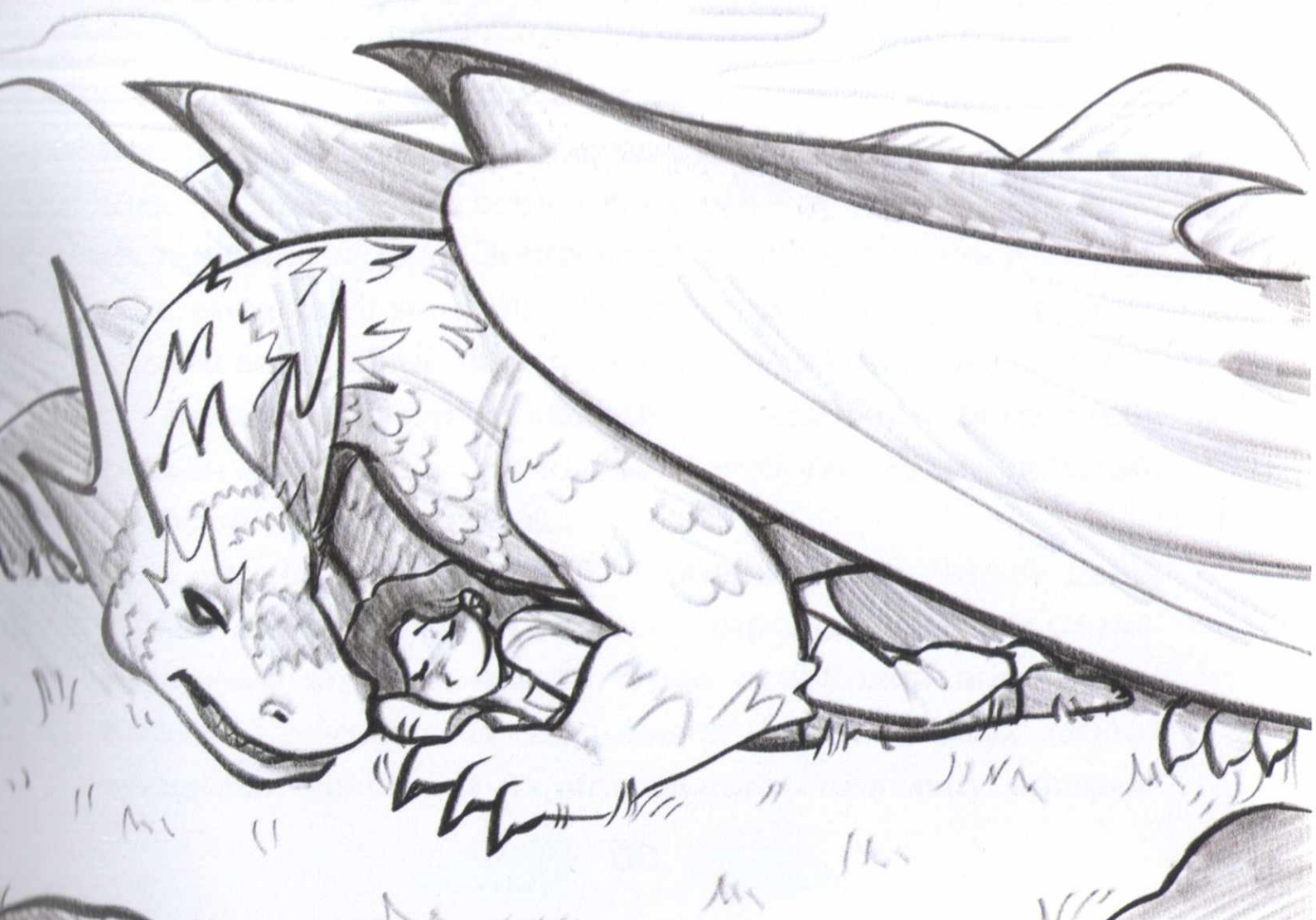
Дуэнтэ выслушал Мангбо и спросил:

— Ты сам видел, как она это шила, а как она готовила?

— Нет, не видел, мне её тетушки передавали или кормили, а она стеснялась мне это всё подносить, — ответил Мангбо.

И рассказал Дуэнтэ всю правду Мангбо, как их хотят рассорить. Мангбо так разозлился, даже не поблагодарил Духа, побежал домой. Одним ударом он всех дядюшек и тётушек убил, они даже не успели и рта раскрыть, чтобы сказать, что Пудин умерла.

И превратились они кто в комара, кто в клопа, кто в гадюку, кто в москита и гнуса, и разлетелись в разные стороны.

Мангбо увидел тело своей любимой и так горько заплакал, что почернел весь и наполнился водой. Прибывший следом Дуэнтэ смог только попросить Эндури не отбирать жизнь у Пудин, и она начала дышать, но не просыпалась. Мангбо лёг возле неё, чтобы, когда Пудин проснётся, увидела, что он рядом. Долго-долго он так лежал. Пудин стала прорастать деревьями и цветами, и чтобы они не засохли, Эндури превратил Мангбо в чёрного водяного дракона, который растёкся у подножия сопок, напоминающих спящую девушку. Так появилась река Мангбо — Чёрный дракон.

Неизбежное будущее

На большом корявом пне сидел маленький человечек и жевал, громко причмокивая. Как он оказался в этом лесу и откуда у него маленькая засохшая рыбёшка, он сейчас не думал — он наслаждался процессом. Давно не ел такой вкусной рыбки, всё корешки да корешки. И тут в памяти всплыл парнишка, который угостил его и которому он помог на священной горе одолеть большезубого тигра, усмирить Кори — всё это заслуга маленького человечка. Кто-то его видит человеком, а кто-то — золотым зверьком. И имя его — Бочо (помощник).

Бочо посмотрел назад на гору, на которой жил уже несколько лет. Когда-то за этой горой жил большой богатый род орочей, родное ему племя. Бочо вздохнул, он уже редко вспоминал своё прошлое имя, имя из прошлой жизни. Запихав оставшуюся снесь в мешочек, висевший на поясе, он шустро сполз с пня и, подхватив маленький посох, засеменял в высокую траву.

Бочо только перед людьми мог как будто бы растворяться в воздухе — это то самое небольшое волшебство, которое он умел делать.

Сегодня был сложный и очень насыщенный день: ещё с самого утра пришлось потрудиться, убирая наваленные ветки и камни. Бочо освободил дорогу небольшой речушке. В обед вывел на тропу двух заблудившихся девчонок из маленького стойбища, которые

с заплаканными глазами сидели у той самой речки, доедая недавно собранную голубику. Но самое важное предстояло вечером. Сегодня он нёс несколько сладких, добрых и красивых снов в то стойбище, которое недавно обосновалось у изгиба красивой полноводной реки. В этом стойбище было особенно много весёлой детворы.

Дух горы всё время говорит Бочо, чтобы тот не привязывался к людям, а держался от них подальше. Гора помнила, как он появился и откуда. А Бочо забыл, как стал таким: и не человек, и не зверюшка.

Отмахнувшись от воспоминаний, как от назойливой мошки, человечек ускорил шаг и вскоре оказался у маленькой долблёнки, привязанной к камню на берегу реки. Он шустро перебрался через речку, управляясь одним шестом, в траве оставил долблёнку и быстрым шагом пошёл к своей любимице Нуку. В первую очередь он всегда заходил к ней, хоть она его никогда не видела, но всегда ждала. Потом шёл к другим детям и дарил красивые сны. И ребятишки, платя счастливой улыбкой во сне, окрыляли Бочо. Он, довольный и счастливый, на обратном пути заходил к детям. Убедившись, что все сладко спят, Бочо уплывал на свою сторону речки.

Сегодня Бочо подарил сказку детям и обрёл веру для себя. Он совсем недавно, побывав во сне у замечательной девочки Нуку, поверил в себя и в своё будущее, в своё будущее-прошлое...

Нуку видела себя летающей по небу. Она парила и радовалась ветерку, который с ней заигрывал, их игра

больше напоминала догонялки. Облака Нуку разрывала собой, и от этого её разбирал смех, когда она обращивалась и видела свой силуэт. А ветерок гнал облака к ней, чтобы девочка смеялась ещё громче. Ему так нравился её смех, что сам не заметил, как стал смеяться звонким колокольчиком.

Это был один из самых любимых снов человечка. Он доставал его редко и только для девочки Нуку. Это был её сон. Бочо любит всех детей одинаково, но Нуку... она не была похожа на всех. Ей всего шестой годик шёл, а она не по возрасту маленькая, лёгкая, очень проворная, своими миниатюрными пальчиками шустро всё делала. Многие дети в её возрасте только ложку научились держать, а она уже могла вышивать, собирать ягоду, мыть посуду. Девочка стала большой помощницей для мамы, у которой работы каждый день непочатый край. И Бочо всегда хотелось хоть чем-то её радовать.

Бочо сильно изменился с тех пор, как стал для жителей близлежащих стойбищ и селений духом леса, духом дома. Он не был ни духом, ни домовым, но, наблюдая за детишками, их маленькими печальями и большими радостями, сам незаметно для себя становился маленьким, добрым и по-своему счастливым.

Но сегодня от маленьких птичек он узнал, что вверху по течению большой реки кто-то начинает строительство то ли насыпи, то ли плотины, которая может перекрыть маленькие ручейки и реки и затопить огромную территорию.

Бочо от возмущения аж покраснел. Он знал, что появились люди и привели с собой амбашек, одетых в же-

лезные доспехи, очень шумных и жутких. Они на своем пути всё ломают. Где они прошли, ничего не растёт. Бочо пытался их остановить, но его никто не видит и тем более не слышит.

Сегодня он что-то придумает: надо вернуть реку в её прежнее русло, надо спасти стойбище и дорогих ему людей. Он обратился к лесным духам: к духу-помощнику — Эндури и к духу леса и рек — Дуэнтэ. Дуэнтэ, вздохнув, услышав от Бочо план, как остановить непрошенных гостей, дал своё согласие помочь.

Перед взором духов леса встала картина: пустошь. Люди железными тракторами, как они их называли, взъерошили землю так, что не было не то что дерева, но и травинки не осталось — вплоть до самого солнца была пустота. Дуэнтэ разозлился, увидев, как река уходит под землю и появляется мутная, грязная лужа.

Бочо призвал всех москитов и комаров. Тучи насекомых налетели на непрошенных гостей. Люди стали делать дымокуры. Но москиты не отступали, их становилось всё больше и больше. Дух леса, чтобы люди не могли найти для костра дрова, напустил такой густой туман, что три дня он держался. Люди плутали в этом тумане. Голодные, холодные, покусанные москитами, они были готовы всё бросить и бежать с этих мест подалее. Но самый главный не пускал их, заставляя садиться за тракторы и работать.

Бочо пробрался к большому ящику с трубой и окнами и заглянул в одно из окон. Уже вторые сутки люди не появляются на улице. Заглянув в окошечко, увидел железную печку у дверей. Вдоль всех стен стояли топчаны,

а на них лежали уставшие люди со светлыми волосами и большими широкими глазами цвета неба. Но глаза были какие-то мутные и как будто провалились внутрь. И увидел Бочо, что их мучает хворь. Руки покрыты мелкими болячками, когда говорили, у них выпадали зубы. У Бочо защемило в груди. Главный начальник лежал с закрытыми глазами, волосы были мокрыми, еле шевелились сухие, потрескавшиеся губы, он что-то говорил, но его никто не слушал.

Бочо не мог больше смотреть и побежал к местному шаману. И только преодолев несколько сот метров, вспомнил, что к шаману-то ему и нельзя. Эту проблему ему нужно решать самому. Бочо повернул назад, идёт и думает, как помочь пришлым. Лесные духи разозлились на людей и отказались помогать. Он знал, какие травы надо собрать, как отвар сделать, какие ещё надо делать примочки, чтобы тело не горело. Он так погрузился в свои мысли, что чуть было не столкнулся лоб в лоб с Харитоном, лежащим в траве, словно в укрытии. Он уже стал мужчиной, удачливым охотником и рыбаком.

Бочо привычно шмыгнул к Харитону во внутренний карман за хрустящей рыбкой.

Харитон улыбнулся глазами и на секунду забыл, что выслеживает кабана. С тех самых мистических своих дней он не раз видел своего золотого помощника и знал: если он с ним, охота будет удачной. На душе стало тепло и уютно. Он легко поднялся и, взяв Бочо в руку, стал разглядывать своего маленького друга.

Бочо свернулся калачиком на ладони и заснул. Харитон смотрел и не верил своим глазам: у его малень-

кого друга мордочка меняла облик: то соболиная, то кошачья, то на доли секунды обретала человеческое лицо молодого парня.

Харитон вспомнил про кабана: его надо срочно разделывать, пока на запах не сбегались более серьёзные хищники. Соорудив что-то похожее на жилище из своей одежды для малыша, он принялся за работу.

Бочо проснулся тогда, когда Харитон укладывал последний кусок мяса в берестяной короб.

Бочо решил сразу, как только увидел охотника, что проблему строителей им придётся решать вместе. Необходимо было как-то объяснить Харитону, что ему это надо не меньше, а может, даже больше, чем самому Бочо.

Он выпрыгнул из рук Харитона и взглядом позвал за собой. Харитон не хотел идти за зверьком, ему бы тяжёлое мясо унести до стойбища. Но зверёк настойчиво звал за собой. Мужчина сдался и пошёл за маленьким другом.

Долго идти им не пришлось: сразу за оврагом, через перелесок и вдоль мелкого ручья еле заметная тропинка вывела их к небольшому каменному выступу. Здесь Бочо резко остановился и, обернувшись, дёрнул охотника за штанину, предлагая присесть.

Бочо запрыгнул на плечо и стал рассказывать Харитону о том, как они хотели выгнать чужих людей и как те заболели, как ему жаль стало их. И к шаману он пойти не может. Бочо говорил, говорил, а человек слышал только тонкий свист. Бочо понял свою ошибку не сразу, а когда сообразил, то запереживал. Время подходило

к вечеру, и он начал готовить свой рассказ для охотника Харитона. Этот сон надо приготовить очень тщательно.

Харитон развёл костёр, здесь он решил остаться переночевать, приготовил мясо, кусочек дал Бочо и немного угостил местных духов. Сделав из бересты тарелочку и положив туда кусочки мяса, поставил на восток, поодаль от своего ночлега. Покушал он неплотно. На полный желудок сны приходили тяжёлые. Охотник решил хорошо поесть с утра перед дорогой.

Харитон ещё раз попытался поговорить со своим маленьким другом, задал ему вопросы, на которые не получил ответов, но зверёк только свистел в ответ. Погладив зверька, Харитон начал делать себе лежанку, натаскал пихтовых веток — получился добротный, вкусно пахнущий пихтой лежак. Только голова его легла на руку, сразу провалился в сон. Во сне увидел всё, что хотел рассказать Бочо, даже маленькую свою племянницу увидел, отчего на его лице появилась улыбка.

Когда Харитон проснулся, Бочо сидел на перевёрнутом туюске и с увлечением грыз косточку, попеременно поглядывая на охотника то одним, то другим глазом.

Харитон обдумывал свой сон, одновременно подбрасывая дрова в костёр, чтобы вскипятить травяной чай. Он знал, что идёт подготовка территории для строительства нового посёлка, знал, как изменится их жизнь, что у каждого будет свой дом с несколькими комнатами и везде будет гореть свет. Всё это он видел в городах, в которых бывал, и мечтал, чтобы его родные и сородичи тоже так жили. Но он видел и чувствовал страх: страх

тайги, страх животных, тревогу Бочо как свой собственный страх.

Плотно перекусив, Харитон стал тушить костёр. Бочо с нетерпением ждал, когда костёр перестанет подавать признаки жизни.

Как только костер затух, человечек взлетел на плечо к Харитону, и они двинулись по направлению к реке.

Проходя по пустырю, у Харитона защемило в груди: здесь он охотился на белок, ставил с сыновьями ловушки на зайцев, дети и женщины собирали черемшу, жимолость, землянику. Сейчас же ручейки и маленькие реки, смывая почву, устраивали провалы, и овраги устремлялись к реке.

Как добрались до дома, где жили рабочие, Харитон даже и не заметил. Первым делом накормил их, отпоил отварами из трав и корешков, на которые ему Бочо указал. К вечеру им стало лучше. Они так умаялись, что и не поняли: человечек на плече у этого крепкого большеглазого охотника — игрушка или живой человечек?

Никто не обратил внимания, что Бочо незаметно исчез на несколько часов и так же незаметно появился. Как только всё стихло и строители уснули, Бочо достал свою шкатулочку. За всю свою жизнь он её достаёт второй раз, и сегодня именно тот случай, когда её можно открыть. Помещение наполнилось тёплым светом, и в воздухе появились прозрачные картинки.

Картинки вылетали из шкатулки, закручивались спиралью и постепенно растворялись прямо над головами людей. Харитон, не замечая ничего, продолжал хлопотать над строителями: на головы накладывал тра-

вяные компрессы, смазывал виски мазями, некоторым вливал в рот пахучий лекарственный отвар.

Рабочие смотрели картинки, и каждый видел своё: кто-то своих родных, которых давно не видел, кто-то любимую, а кто-то свои мечты. Их лица посветлели, и за столько дней они заулыбались от души, в глазах появилась искорка жизни.

Харитон, закончив работу, аккуратно убрал за собой, сложив оставшиеся мази и травы в мешочки, бережно упаковав всё в большой охотничий мешок. Бочо мирно спал в шапке охотника. Или делал вид, что спит. Закинув сумку за спину, малыша — во внутренний карман, Харитон ещё раз оглянулся, удовлетворённо кивнул и вышел из дома. Строительная площадка, укутанная дымкой, была так же погружена в сон.

Харитон надолго покинул эти места. Отталкивая лодку от берега, он думал о своих близких и родных, об их будущем. Он точно знал, что ещё немного времени пройдёт, и на этом месте вырастет новый посёлок, где найдётся место всем рабочим и их семьям и орочам, живущим в Верхнем Хунгари. Дети будут обучаться грамоте. И кто знает, может, станут великими людьми. Но он даже и не предполагал, что здесь будет проходить великая тропа — железная дорога.

На месте стройки появился красивый молодой посёлок — молодой и красивый своими жителями, которые сохранили первозданность природы. А лес в благодарность обнял посёлок, как обнимает любимого девушка, и охраняет его. Жизнь и сейчас бурлит в нём, рождая великих, сильных людей.

Об авторах

Дигор Мариана Владимировна родилась 25.03.1973 в п. Снежный Комсомольского района Хабаровского края. Окончила Хабаровский государственный институт искусств и культуры. С 1997 года проживала с мужем и тремя дочерьми в с. Бельго Комсомольского района Хабаровского края, работала в селе директором Дома культуры. В 2013 году продолжила работу методистом районного Дома культуры п. Солнечный. В 2015 году вернулась на должность директора в МКУК ДК Бельговского сельского поселения. В 2017 году выиграла грант Всероссийского конкурса малых городов и сёл «Культурная мозаика» на строительство культурно-музейного центра «Дом нани», в 2018 году проект был реализован. В 2019 году М. В. Дигор признана лучшим работником культуры Хабаровского края.

Горуленко Вадим Владимирович родился 19.01.1973 в г. Комсомольске-на-Амуре. Окончил Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт, работал учителем истории в школе. с 2000 года – начальник отдела по молодежной политике и спорту, с 2008 года – заместитель начальника управления образования администрации Комсомольского муниципального района, с 2013 по 2022 гг. – председатель Собрании депутатов Комсомольского муниципального района. С 2022 года – депутат Законодательной Думы Хабаровского края, преподаватель истории в Хабаровском промышленно-экономическом техникуме.

Содержание

Род Акунка	5
Первая охота.....	8
Повелитель сетей.....	12
Свиток	14
Золотой пояс	19
Священное место	26
Сагды самани	38
Первая встреча	45
Мангбо — Чёрный дракон	49
Неизбежное будущее	51
Об авторах.....	62
Содержание.....	63

Литературно-художественное издание.

Дигор Мариана Владимировна, Горуленко Вадим Владимирович.
Харитон из рода Акунка. Ред. И. А. Бельды. — Комсомольск-на-Амуре: ДиАрт, 2025. — 64 с.

При поддержке Одзял Любови Александровны — вице-президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу, президента региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края», кандидата исторических наук.

Редактор: Бельды Иван Андреевич — первый вице-президент региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края», председатель Совета Старейшин при Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края, член Творческого Союза художников России.

Финансовая поддержка: ООО «Амур Минералс».

Иллюстрации: Дигор Снежана Владимировна.

Верстка: Луконин Константин Сергеевич.

АМУР
МИНЕРАЛС